

Алексей Чадаев: Коллеги, всех приветствую. Я очень понимаю всех тех, кто хотел бы сказать, потому что сейчас время такое, что нужны не столько панельные дискуссии узким кругом, сколько широкие круглые столы, где каждый может высказаться. Сегодня время не столько выступлений, сколько диалогов. Поэтому я рассчитываю, что наш разговор не будет монологом экспертной панели, а мы на сегодняшнюю животрепещущую тему поговорим так, чтобы обсуждать вопросы, которые касаются как минимум всех и каждого, волнуют тоже многих, но пока волнуют меньшее количество людей, чем касаются. Я не стал делать специальной презентации. Оставляю именно презентирование своим коллегам рядом. Просто попробую обозначить наш подход, который мы исповедовали, когда готовили эту секцию.

Давайте начнем с формулировки «когнитивная война». Заметьте, мы до сих пор, несмотря на то, что уже прошло больше года с начала активной фазы того, что называется СВО, не любим употреблять слово война. Не любим не на государственном уровне, не любим на уровне государственных медиа. Не любим его использовать, все время обходимся эвфемизмами. Но зато, как только мы начинаем использовать прилагательные информационная война, санкционная война – тут как будто табу снимается, и мы легко и с удовольствием активно употребляем эти термины, потому что так вроде как менее страшно. Тоже война, но какая-то такая, где не убивают, где исключительно варят друг другу поганки в супе. Экономическая война сюда же.

Поскольку мы на экономическом форуме, мы не сможем обойти тему когнитивной войны в контексте сугубо экономических вопросов и проблем. И как раз на это я хотел бы обратить внимание. Когда появляется термин «когнитивная война», а некоторые любят употреблять «ментальная война», то это тоже как будто бы легче. Я, кроме разнообразной практической деятельности, написал в прошлом году какое-то количество теоретических статей и сделал лекции. Термин «когнитивная война» – я попробую за свое вводное выступление дать, что не является когнитивной войной.

У меня есть ощущение, что многие привыкшие к термину информационная война думают, что когнитивная война – это примерно такое же, только когда еще есть идеология, когда есть еще какие-то смыслы, какая-то философия, какая-то глубинная пропаганда. Но в сущности это все тоже самое, какой-то такой PR. Люди обмениваются разными текстами, разными выступлениями, разными идеями. Они на кого-то влияют, меняют чью-то точку зрения и этим все заканчивается. Я вас разочарую. Тот предмет, который мы будем с вами обсуждать сейчас, он гораздо жестче. Намного жестче.

Команда Семена Уралова, сидящего здесь слева от меня, за истекший год проанализировала несколько западных разработок по когнитивной войне, и какие-то из них я тоже, благодаря его помощи, подробно изучил и с ними ознакомился.

Это вполне себе, без дураков, военные разработки, ведущиеся лучшими умами не только западной военной мысли, но и западной философской гуманитарной мысли. Из забавного: темой когнитивной войны чаще занимаются французы, даже когда пишут по-английски и

сидят где-то в Штатах на зарплате у соответствующих центров. Тем не менее, по происхождению и по образованию они, как правило, из Франции. Это очень понятно, учитывая ту роль, которую современная французская философия играет в западной картине мира.

О чем идет речь? Если вкратце, традиционно было три больших домена для военных операций: суша, война на суше, традиционная классическая война; война на море, морская война; война в воздухе, когда появилась авиация. Чуть позже появился четвертый домен – это война в космосе, в безвоздушном околоземном пространстве. Еще чуть позже появился пятый домен – это война в киберпространстве. Все что связано с цифрой, с хакингом, со взломом систем управления, основанных на цифровых технологиях, с перехватом контроля и так далее.

Так вот авторы и теоретики термина «когнитивная война», – напоминаю, термин западный, мы своего адекватного пока не изобрели, поэтому пользуемся чужим языком, понимаем это, отдаем себе в этом отчет – они утверждают, что есть еще один, шестой домен ведения боевых операций, радикально отличающийся от предыдущих пяти и требующий самостоятельного подхода и самостоятельной логики работы. Это сознание человека. Идея простая. У противника может быть сколь угодно совершенное оружие, сколь угодно значимое техническое превосходство в средствах обороны и нападения, сколь угодно сильные средства поражения, но если у него нет руки, которая может нажать на соответствующую кнопку, – Почему? Потому что обладатель этой руки, например, сомневается в том, что он вправе ее нажать, он вообще за мир во всем мире, давным-давно его лояльность лежит в другом месте, или у него случайно «поехала крыша», или еще что-то такое случилось, – то все это техническое превосходство, все это оружие бесполезно.

Надо сказать, их очень сильно впечатлил распад СССР в том смысле, что победа в холодной войне им досталась без значимого военного усилия. Военный потенциал Советского Союза не был подорван, даже экономический потенциал Советского Союза. Конечно, экономика советского блока испытывала какие-то проблемы, даже достаточно значимые в середине – в конце восьмидесятых, но это было далеко от поражения, от капитуляции. Тем не менее Союз, их глазами, капитулировал потому, что поражение СССР в холодной войне произошло именно в умах: в умах и советского руководства, и в умах общества, населения. Не оказалось никого, кто вышел бы защищать ту картину мира, ту систему, то общество. Все молчаливо согласилось с событиями. За ничтожными исключениями молчаливо согласилось с тем, что происходило с конца 1980-х по 1991 год.

Это само по себе вдохновило. Раз получилось однажды, значит может получиться еще раз. Дальше западный подход – это вопрос технологий. Что делать с мышлением, что делать с сознанием людей и элит, и офицеров, и тех, кто непосредственно воюет, и интеллигенции, и общества для того, чтобы победить без войны? Парадокс состоит в том, что несмотря на то, что армия традиционно воспринималась в первую очередь машиной убийства – вот подход когнитивной войны предполагает, что если ты сломал чужую волю, если ты

подчинил противника, превратил его в свое послушное орудие, совершенно необязательно его убивать. Наоборот, он становится очень полезным и ценным зверьком. Цель достигнута.

Перед тем как передать слово моим коллегам по этой панели, я бы хотел очень несколько важных дефиниций вложить, чем не является когнитивная война.

Во-первых, это совершенно не то же самое, что война информационная. Информационная война – это все что происходит вокруг и по поводу новостного потока. Это сами новости, их подача, их интерпретация, слова, которые используются.

Когнитивная война – это про картину мира. Это про идентичность. Это про то, кто я, почему я, зачем я, против кого я, кто мой друг, кто мой враг, к какому «мы» отношусь я. Буквально по Достоевскому: «поле битвы – сердце человека».

Второе. Было бы ошибкой думать, что это все исключительно про сознание и мышление. Гораздо большую роль, особенно по тем материалам, которые мы видели, играют вещи, не связанные со смысловым пространством. Вещи, скорее связанные с психологией и даже с психофизиологией.

Как работают машины когнитивной войны? Для того, чтобы отключить у человека критическое восприятие реальности надо сначала ввести его в определенное психологическое состояние, произвести определенную раскачку после которой критическое восприятие почему-то отключается, зависит от эмоциональных состояний. В разных эмоциональных состояниях происходят разные иногда человек по-разному воспринимает информацию, у него разный порог доверия к тому, что ему говорят, и значит здесь огромная роль как раз в работе с психикой и в особенности в работе с психикой не на масштабе наиболее подверженных воздействию людей и тщательно рассчитать, начиная с какого уровня людей, у кого крышу снесло, это начинает влиять на общество в целом. Пять-семь-десять процентов безумцев, которые начинают. С какого момента этот статистически значимый процент начинает оказывать влияние на популяцию в целом. В этом смысле в когнитивной войне биохимии, если угодно, по крайней мере психофизиологии эмоциональных состояний прочего ничуть не меньше, чем борьбы смыслов, чем идей, чем философии большой и так далее.

Вторая вещь – это то, что когнитивная война ведется одновременно на уровне общества, на больших масштабах на уровне государства, и на уровне каждого человека тоже. Об этом подробнее будут говорить коллеги, но принципиально здесь то, что линия обороны проходит ни где-то там, и даже ни где-то на уровне экрана. Линия обороны проходит в сознании, и значительная часть оспособленности общества противостоять когнитивным ударам зависит от навыков и оспособленности каждого человека различать когнитивные удары, понимать их, противостоять им – от его собственной базовой грамотности, базовой подготовки. И если, говоря об обычной войне, такую подготовку проходят только те, кто

идут на линию фронта или в ближний тыл, то здесь нет такого фронта. Это то что предстоит каждому из нас.

Поразительная вещь, которая всплыла в ходе наших штудий и разговоров о когнитивной войне, поразительное открытие состоит в том, что поскольку в ней сейчас много и активно применяются технологии обычного коммерческого маркетинга, то есть обратная конверсия, не из военных в гражданскую сферу, а их гражданской в военную. Вот собирали Big data на людей, чтобы впарить им уют или холодильник средствами таргетированного маркетинга, все это сейчас применяется в целях когнитивной войны. Собирают Big data для того, чтобы составить по цифровому следу ваш психопрофиль и адресно воздействовать именно на вас, понимая все про вас гораздо лучше, чем вы понимаете про себя сами с использованием всех этих средств сформировать именно вам тот информационный пузырь, который сдвинет именно вашу картину мира в нужную для манипулятора сторону.

Открытие состоит в том, что если мы научимся противостоять когнитивным атакам, когнитивным ударам, то одним из побочных следствий этого является то, что многие военные технологии маркетинга датам продаж, таргетирования и всего прочего, они тоже перестанут на нас влиять, тоже перестанут на нас работать с той же эффективностью. Короче многие рекламщики также потеряют работу или вынуждены будут переучиваться. Побочным следствием роста нашей оспособленности, нашей грамотности, нашего понимания того, как жить в реальности когнитивных ударов, является гораздо большая наша устойчивость к разного рода гражданским манипуляциям с целью заставить нас хотеть того, или не хотеть другого в зависимости от задач заказчика.

Вот на этом я свое вводное слово бы закончил и передал микрофон Семену Уралову, который тему когнитивных войн разрабатывает достаточно давно и подробно. Рад буду, если он нас погрузит в предмет чуть более глубоко.

Мужчина 1: Пусть говорят, кто по специальности?

Семен Уралов: Это мы сразу к вопросам перешли.

Мужчина 1: Кто по специальности?

Семен Уралов: По специальности, по образованию?

Мужчина 1: Да.

Семен Уралов: Например, педагог. Вас устраивает это?

Мужчина 1: Какой педагог?

Семен Уралов: Педагог вас устраивает?

Мужчина 1: Какой?

Семен Уралов: Так, все, поехали. Уважаемые друзья. Все вопросы к модератору.

Уважаемые организаторы. Очень дискомфортно работать в ситуации, когда не очень адекватные у нас участники.

Итак, дорогие друзья.

Мужчина 1: Мы адекватные.

Мужчина 2: Не беспокойтесь, мы в охрану уже передали.

Семен Уралов: Не в охране дело. Это как раз пример когнитивного воздействия. Смотрите, мы сейчас имеем ситуацию с тем, как работают когнитивные удары. Я максимально сосредоточен, потому что участвую не только я. Целый коллектив я сейчас представлю. Это очень важно. Человек вмешивается, зная что я сосредоточен, для того чтобы дестабилизировать. Вот это и есть пример когнитивного удара.

Семен Уралов: Я вам привожу пример. Главная цель когнитивных ударов и волн, с которыми мы сейчас разберемся – это атака на внимание. Сразу себе пометьте. Не имеет значение, правдивая информация, лживая информация, о чем она вообще. Не имеет значения. Задача – ловить ваше внимание. То, о чем говорил Алексей Чадаев. Как и в маркетинге. Какая разница, о чем вы думаете? Главное, чтобы вы думали о том, что нужно нам. Вот это так и работает.

А на самом деле это не шуточки. Я сейчас из Петербурга приехал. Я последние годы живу в Петербурге. Ситуация, которая произошла – трагедия с гибелью Владлена Татарского (Максима Фомина), вечная память. Вы же видели террористку и показания, да? Я утверждаю, что это типичная жертва манипуляции когнитивных ударов. Потому что это тот самый взрослый подросток, который заигрался в том числе. Я сейчас не даю никакую уголовную часть – это следствие и все остальное. А вот ситуация, когда человек заигрался, это те же девочки, которые разливали по бутылкам на Майдане, это те же, кто с хохотом сжигали людей 2 мая в Одессе. Это погружение человека в особое состояние. Я опираюсь в своем понимании на методологию Бехтерева – коллективную рефлексологию. Это состояние внутренней толпы. Это особое состояние. В чем оно заключается? Ты как бы находишься один, но ты в состоянии толпы. Толпа – это особое состояние, в котором человек перестает себя контролировать. Если до 10-х годов XXI века для того, чтобы погрузить человека в состояние толпы, ему нужны были другие физические люди. Нужно было нам, чтобы толпа была. Десять-пятнадцать лет назад ситуация кардинально изменилась. В связи с чем? В связи с тем, что вот этой дряни мы отдали огромную часть наших и компетенций, и идентичностей. Самый яркий пример. На Донбассе он стоил жизни многим. Движение по навигатору. Кто ездит за рулем – вы сильно по городу помните куда повернуть, зачем повернуть? Мы полностью отдали все знание города навигатору. А вот в 2015 году, когда я жил в Донецке, многие так на блокпосты наезжали. И оппоненты наши, с той стороны с нашей – ну потому что навигатор ведет, как всегда вел. А теперь представьте, что вас ведет абы кто по навигатору.

Второе, что очень важное, почему это манипуляция стала. Для каждого из нас за последние десять лет потом информации, которую мы перерабатываем. Кто информационщик профессиональный, вы знаете, десять лет назад профессиональный у редактора было 10-15 информгентств, с которыми он профессионально работал. Садился, все фильтровал, работал. Если вы сейчас подписаны больше, чем на 10-15 Telegram-каналов, вы живете в таком же информационном потоке, как жил профессиональный редактор всегда. Но вы не подготовлены, вы не знаете. Это только телеграм-каналы. Все остальное. Это уже установленный факт. Объем информации, который потребляет человек, мозг не способен обработать с точки зрения истина-ложь. Истина-ложь. Истина-ложь. И когда у вас переизбыток информации, у вас отключается восприятие именно рациональное, у вас включается эмоциональное восприятие. По принципу нравится вам эта информация или не нравится. Доставляет оно вам удовольствие или не доставляет.

А теперь хочу, чтобы мы прошли по первой презентации. Мы очень быстро пройдемся именно по теоретической части, как видят наши натовские...

Смотрите, базово. Мы отталкиваемся в своих исследованиях от натовских концепций. Не нравится мне название «когнитивная война». Я бы ее назвал скудоумная война. Это приведение человека в состояние скудоумия. Он вроде и не сумасшедший, но ведет себя как сумасшедший. Это умопомрачение. Мне нравится метафора: когнитивная война – она одновременно и умопомрачительная и умопомрачающая. Потому что очень многим людям нравится находиться в состоянии под когнитивными ударами. Это называется состояние «перемога». Они получают удовольствие от этого состояния.

Принципиальная вещь. Информационная война – это либо убедить, либо разубедить, либо обмануть. Когнитивная война не имеет значения убедить – не убедить. Это погружение общества в состояние, которое я описал. Включает разные технологии.

Дальше. Теория, практика – это цитаты из натовских доктринальных документов. Все что слева – не буду. Справа – это инструменты. Это тоже облако. Их очень много. Я привожу пример, что это не только медиа в отличие от информационных.

Дальше. Что очень важно про когнитивную войну. Информационная война – она атакует, так или иначе сигнал идет из медиа. И любой коллектив, когда его атакуют извне, он собирается. Нас враг атакует. Из-за вот этой дряни, которой мы отдали – ну как дряни, уже все, наше третье полушарие, – можно атаковать коллектив изнутри. Понимаете, да? Не извне, а внутрь каждого. И вы работаете на работе, а у вас 20% бьются в истерике. Вот как это было с мобилизацией. Вспомните ваши коллективы февраль-март.

Когда у вас в истерике бьется коллектив, вы чем-то торгуете – ну и ладно. А если это авиазавод? Вот сегодня новость: в Екатеринбурге кого-то арестовали за шпионаж. Как раз на оборонном предприятии. Понимаете? Поэтому когнитивная война наносит на разных уровнях. Вот мы выделили.

Дальше. Объекты поражения когнитивного удара – это тоже факты, в том числе и медицинские. Долгосрочная память, это где вы были восемь лет. Люди реально не помнят. Они не могут воспроизвести, что неделю назад было. Они как мотылек ориентируются на новость сейчас, а спроси, что было полгода в том же украинском кризисе, они не скажут. Для них все слилось в один поток.

Эмоциональный фон, рациональное мышление. Как действуют? Оно раскачивает, оно затягивает человека. Когда постепенно он начинает получать кайф, вошло у нас из украинского языка «зрада-перемога», два состояния: эйфория и депрессия, в которой он качается.

Неспособность принять решение – это важная вещь. Человеку в этом состоянии не очень комфортно. Он хочет других затянуть в это состояние, переслать сообщение, рассказать какую-то новость. Репостить, не думая репостить. Все это приводит к преодолению барьера насилия и перешелкивает в голове к убийству. Рано или поздно эта дорога приводит к дьяволу.

На общество. Тут понятно. Разные есть типы: удар, волна, буря. Удар – это то, что мы все видим. Волна – это более сложная штука. Это мы хорошо исследуем, коллеги сейчас расскажут, – это блогеры качают. Например, Невзоров – это трупоед. Его волна трупоедская. Он всегда это делает. Данилов, например, украинский – это гангстер, который дерзит. У каждого своя волна. Грубо говоря, рыбаки рассказывают политические новости на рыбацком языке. Они настраивают. Это специфика медиапотребления. Люди как бы настраиваются на свои радиоприемники в YouTube, в «Яндекс Музыке», еще где-то. Например, феномен Дмитрия Юрьевича Пучкова. Люди 20 лет его смотрят. Они хотят от него знать и политические новости, и культурные. В принципе, им телевизор не нужен. Им нужен кто-то, с кем им интересно. Все эти Милохины наши и прочие, вот они каждый гонит свою волну. Но в эту волну можно встраивать то, что мы хотим. Это очень важная вещь.

У современного человека есть четыре медиаконтур: родные и близкие; наш коллектив, где живем и работаем; новые медиа, которые возникли, и СМИ. Доказанный факт, как работает на уровне схемы информационный пузырь. Если у вас во всех четырех контурах один и тот же сигнал – вам дома сказали: «Беги из России, тебя сейчас призовут и убьют», в коллективе сказали, в соцсетях вам сказали и на телеканале, который вы смотрите, вам сказали, – все, вы 100% посчитаете, что это правда. Схватите ваши манатки и побежите, потому что вы будете считать, что это правда. Так создаются информационные пузыри внутри каждого конкретного человека.

Принцип нанесения когнитивных ударов. Вот эта схема.

Единый сигнал – все ЛОМы синхронизируются. Вчера они были про цветочки, а сегодня они вдруг стали про политику – как это получается?

То, о чем говорил Алексей Чадаев, создание критической массы. Непонятно сколько это. Для какого-то города хватит и 10%, вернее, 5%. Ну а где-то не сильно раскачаешь какой-нибудь рабочий поселок. Попробуй его еще раскачай.

Вибрации общества. Это когда вроде ничего не происходит, – кто бывал в Киеве на Майдане 2012-2013 год, можете вспомнить, – вроде нет ничего, но ощущение какое-то. Я помню конец Советского Союза, 1990-й год, я еще малый был. Но какое-то такое ощущение, что ужас, а вроде ничего нет.

Это массовая короткая память. И медиа эмоциональные волны, которые три-пять дней постоянно вбрасывают.

Я разобрал на уровне этой схемы, как общество Украины погнали на убой. С 2004 года ее убеждали, что Россия беспомощна и сейчас мы будем вместе со всеми делить Россию. С 2014 года – обман, хорватский сценарий. И сейчас третья волна.

Белорусский кризис я тоже разобрал через эту схему. С 2014 года их убеждали, что Россия хочет захватить Беларусь, как Украину, что они следующие. Это наддувалось. С 2017 года – четко, что ноль поддержки. Три процента наддували пузырь. В Белоруссии еще все было усилено топорной госпропагандой и отсутствием обратной связи с обществом. Какую-то часть людей свели с ума. Вы их видели в Минске.

И в Казахстане признаки когнитивной войны я выделил. С 2014 года, что ЕС не выгоден Казахстану. Они постоянно на это давят, раскачивают. Хотя Казахстан застрельщик этого ЕС, что очень странно, да? И, конечно, там персонифицированная кампания по Назарбаеву. И сейчас с февраля идет, что Россия напала, мы следующие. Казахстан следующий – это по кальке, как с Белоруссией с 2014 года. Вы следующие, следующие, следующие.

Как бороться, коллеги больше расскажут, не буду на этом останавливаться. Это был очень краткий доклад. Доклад окончен, презентация есть.

Можно включить вторую презентацию, я покажу, что посмотреть, а пока я представлю коллег, которые больше расскажут.

Парадокс этой нашей деятельности, даже не парадокс, я сам удивился, – я начал разбираться в этом аналитически, а собралось огромное количество добровольцев. Сейчас больше 100 человек.

Смотрите во второй презентации. Ролики, просто очень подробный разбор. Когнитивные войны НАТО, доктрина, теория, практика. Здесь разбираются их материалы. Это два часа ролик. Я долго могу рассказывать. Второй из этой же серии, продолжение. Новейшие разработки – это документы 2021-2022 годов. По QR-коду все можно скачать, на тупичке все это есть. И третье – о защите в когнитивной войне. Это о том, как противостоять. То, что коротко было описано. Это три больших ролика.

Это на примере, как Украина действует, когнитивные войны разгоняют. Это на Метаметрике, то, что можно посмотреть. Базовые вещи по когнитивным войнам.

И очень важно – это их официальный термин с 2017 года. Это не то, что они выдумали. Это они просто пользуются в рабочих документах. К 2050 году отдельный домен. Это их реальность, в которой они живут.

Дальше, что я хотел про коллег. И возник большой интерес, в первую очередь то, что называется интеллигенция: инженеры, маркетологи, медийщики. И мы перешли к тому, что надо что-то делать с этими когнитивными войнами. Общество понемногу сходит с ума. Мы начали с очень простого, казалось бы, инструмента: для того, чтобы на тебя эмоционально не воздействовали, попробуй отрефлексировать свою эмоцию. И придумали такую штуку, как телеграм-бот.

Это когда тебе приходят ежедневные новости, а ты попробуй отрефлексировать. Как с этим работать? Тут я бы хотел передать слово Евгении Полозовой – нашему старшему аналитику. У нас есть план победы в когнитивной войне, как мы дерзко это называем. Евгения больше об этом расскажет. У меня была вводная часть. Посмотрите ролики, там больше десяти часов видео. Я не могу рассказать коротко.

Евгения Полозова: Меня зовут Евгения. Я являюсь аналитиком проекта «Когнитивные войны». У нас есть альтернативное название «Когнитивные миротворцы», отражающее основную концепцию, с которой мы подходим к изучению когнитивных войн, к изучению их влияния на общество и обобщению всех данных, которые у нас есть по тематике когнитивных войн.

Мы сейчас находимся на таком этапе развития, который может нам позволить разрабатывать некоторый план победы в когнитивной войне. Собственно презентация этому посвящена.

Семен Уралов: Презентация «Когнитивные миротворцы» - это продукт деятельности более сотни людей. Я рассказал вкратце свою авторскую исследовательскую деятельность.

Сайт 2050.su – там все наши материалы, наши диалоги с Алексеем Викторовичем, в том числе по теме когнитивный войн. Еще и расшифрованы. Там и библиотека когнитивных войн. Все это есть.

Евгения Полозова: Хочу рассказать, над чем мы работаем. Для того чтобы эффективнее бороться, самообороняться в первую очередь в когнитивной войне, необходимо с одной стороны определить, что общего есть в новостной политической повестке, что можно определить как информационный вброс, как информационную провокацию, как попытку когнитивного удара и воздействия непосредственно на сознание общества, и с другой стороны обращать внимание на анализ и поиск уязвимостей в обществе, которые позволяют либо успешно сопротивляться когнитивным ударам, либо наоборот быть максимально уязвимым для воздействия.

Пример. Мы все находимся в одном информационном поле. Мы самостоятельно можем выбирать канал коммуникации и получения информации. По каким-то принципам мы выбираем, подписываться ли нам на либеральных ЛОМов, или же нам смотреть новостную

повестку по телевизору. Решаем, может быть, какие-то оригинальные, экзотические источники информации для себя выбирать. И после этого мы становимся уязвимыми более или менее к когнитивным ударам.

Таким образом, мы сейчас находимся на том этапе, когда мы разрабатываем определенный план работы и победы в когнитивной войне. Есть несколько ключевых опорный пунктов.

(Решение технических вопросов с презентацией)

Семен Уралов: Раз уж тут поминали Минск 2020, я бы коллегам из Белоруссии дал слово. Егор, у тебя презентация? Тогда Юра, у него нет презентации, он просто словами скажет.

Юрий Шевцов: Здравствуйте. Я бы хотел обратить внимание, исходя из того, что я больше занят геополитическими исследованиями, на несколько неожиданный для коллег аспект того, что мы обсуждаем. Дело в том, что каждый год, примерно в конце лета, происходит выброс на рынок очередного гаджета или какого-то иного массового приспособления, с помощью которого люди чаще всего используют интернет. И вместе с появлением этого нового железа каждый год происходит очень сильная трансформация форм использования сетевой информации и форм информационного воздействия на человека.

Первое, на что в этой связи я хочу обратить внимание, это то, что сегодня в условиях санкций и конфронтации с Западом возникает не то чтобы угроза того, что Россия и, естественно, Беларусь выпадут из этого ежегодного процесса обновления железа (ибо есть Китай, где мы сможем брать эти гаджеты), но, весьма вероятно, скоро будет наступать угроза неких сбоев. И те формы сетевой коммуникации, которые будут распространяться у нас в России, и в Белоруссии, как части большой России, они вполне возможно в силу другого железа, чем на Западе, они будут отличаться. В этом есть минус, потому что у нас есть вероятность того, что мы выпадем из мирового информационного пространства с его плюсами (есть не только минусы, есть и плюсы). Для того, чтобы оценить один из аспектов этой угрозы и наоборот возможностей, я обращаю внимание на проблему текущего года.

В текущем году мы видели, как на рынок вышел в качестве массового продукта поиск с помощью искусственного интеллекта. Впереди каждый год будет наращиваться эта технология искусственного интеллекта везде: не только для сетевого поиска, но и для коммуникации, для самых разнообразных функций и задач. К этому будет добавляться, скорее всего, приторможенная, но не отложенная в сторону тенденция к развитию метавселенных. Возможно, скоро мы также увидим на рынке и гаджеты, которые будут обеспечивать очень быструю связь человеческого мозга и машины.

Что касается искусственного интеллекта как новой формы коммуникации в сети, то для того, чтобы смирить негативные последствия от его появления, надо предпринять усилия, которые пока не под силу коллегам как структурам негосударственным, потому что здесь есть проблема, которая может быть решена только государством. Каким образом защитить свое информационное пространство от появления такого страшного инструмента

воздействия на сознание и отдельного человека и всего общества, как массовый искусственный интеллект?

Выход здесь, мне кажется, заключается в том, чтобы государственными усилиями было создано изначально и постоянно целенаправленно развивалось ядро текстов, которые задают смысл нашему обществу. Чтобы тот искусственный интеллект, а также индивидуальные искусственные интеллекты, настроенные на отдельных наших сограждан, чтобы они были в зависимости от фильтра, источника смыслов и других форм воздействия на наше сознание, которое обязательно формируется целенаправленно.

Я, к сожалению, не знаю нашей аудитории. Насколько понятен мой технический язык, но, по крайней мере, вы, коллеги, понимаете.

Что может составить этот фильтр, это ядро, которое обязательно должно создать именно государство? Для нашего общества это корпус традиционных религиозных текстов, связанных в первую очередь с православной церковью, а также русская классическая литература и философия.

Этот корпус текстов легко оцифровывается, да он собственно уже оцифрован. Для машин технически он легко загружается, но он является качественным явлением, проходя через которое должны обучаться все искусственные интеллекты, которые будут связаны с индивидуальными пользователями, относящимися к нашей цивилизации.

Почему я говорю о том, что это ядро должно создаваться государством? Почему это не под силу общественности? Потому что существует проблема железа, проблема связи, то есть железа как среды, на базе которой развиваются информационные технологии. Это технологический стандарт, это защита каналов связи, это то, что может только государство. Поэтому в нашей ситуации, когда уже в этом году на рынок массово вышел искусственный интеллект как поисковая система даже для индивидуальных пользователей, это означает, что очень быстро нам всем надо переходить от партизанщины, которой мы успешно занимались последний год или пару лет к обязательной целенаправленной государственной политике по защите сознания и культуры нашей цивилизации в целом.

Причем здесь нельзя опоздать. Если мы опоздаем, то тогда в наше пространство ворвутся, ибо защитить техническим путем стопятидесятиmillionное информационное пространство России, я думаю, невозможно. Мы не можем построить такой файрвол, который сделали китайцы. Слишком маленькое пространство. Сто пятьдесят миллионов – это будет самоизоляция, которая запрограммирует собственную отсталость. Но можно усилиями государства быстро сформировать фильтр, можно сформировать то ядро смыслов, которое будет являться изначально образцом для искусственных интеллектов, работающих в нашем информационном пространстве. Для этого необходимы административные методы, которыми умеет работать государство.

Семен Уралов: Презентация Евгении Полозовой должна уже быть у нас.

Женщина 1: У меня к вам рабочий вопрос. Скажите, пожалуйста, ваша рабочая группа размышляет о наступательном характере этого воздействия? Постоянно говорится о необходимости защищать, следует ли перейти в наступление, хотя бы на нашей территории? Имеются ли возможности внушить нашей публике, закачать в ее сознание те или иные идеи, как делают, например, маркетологи? Вот я лично опытный маркетолог и предприниматель, я знаю, как закачать те или иные представления о тех или иных товарах. Есть у вас ли у вас такая возможность?

Юрий Шевцов: Прекрасный вопрос. Я сейчас отвечу быстро. В вашем вопросе собственно, да и в мое спиче, был и ответ. Если я сказал о том, что основой нашего фильтра национального, цивилизационного должен быть корпус религиозных традиционных текстов и классической литературы, тем самым я заложил конфликт с западной аналогичной моделью, где совсем другой фильтр. И они свою культуру нацеливают на другое понимание нормы, нежели то, что содержится в нашей религиозной литературе традиционной и в классической литературе. Поэтому наш фильтр это обязательно не только обороняющий нашу цивилизацию искусственный интеллект на базе этого фильтра, но и наступающий на них, ставящий на первое место понятие нашей нормы, а не того, что у них происходит.

Виктор Дробек: Разрешите, я добавлю к вопросу. Просто пояснить по поводу программ Российской Федерации в искусственном интеллекте. Несколько лет назад была анонсирована и запущена программа по управлению развитием искусственного интеллекта и уже разработаны ГОСТы (они внедрены), которые описывают, как правильно, в каком порядке производить новые искусственные интеллекты, и есть институты, которые постоянно эту тему прорабатывают, расширяют. Процесс начат, но нужно время для государства, чтобы это проработать и отреагировать адекватно

Алексей Чадаев: Государство – это скорость. Но мы тоже, кстати, заложники времени, поэтому давайте все-таки перейдем к презентации, которая наконец-то встала. Ваш вопрос зафиксировали, я к нему еще вернусь в конце.

Евгения Полозова: Чтобы не отнимать время у коллег, сфокусируюсь на ключевых аспектах нашей деятельности. Семен упомянул нашу наработку, которая является каркасом нашего проекта – это телеграм-бот, который позволяет анализировать эмоциональную реакцию общества на политическую повестку. Немного покажу схему работы и чего мы ожидаем, и чего удалось достичь на основе анализа этих реакций.

Респонденты, являющиеся добровольцами, из различных регионов России, различных политических взглядов, преимущественно это патриотическая часть общества, которую воспитал Семен Уралов, скажем так, на ежедневной основе проходят опросы. Выбираются топовые новости политического характера дня, опрашивается в каком настроении респондент проходит этот опрос, и какую эмоцию вызывает каждая из новостей. В дальнейшем на основе этого анализа формируются различные отчеты. Есть ежедневный мониторинг, еженедельный, ежемесячный и авторские отчеты.

Что нам позволяет видеть это бот? Мы видим с одной стороны уязвимости общества. Мы видим, в каких регионах наиболее яркие радикальные эмоциональные реакции, в каких регионах стабильные спокойные, в каких больше равнодушных скептиков, где больше патриотически заряженных членов общества. Мы также анализируем уязвимости среди социально-демографических групп: по полу, возрасту, по занятости, уровню дохода. Периодически мы внедряем новые вопросы, такие как «отношение к Специальной военной операции», «наличие мобилизованных среди близкого круга общения». Планируем социально-демографическую анкету расширять для того, чтобы нащупывать те категории людей, которые являются наиболее уязвимыми к когнитивным ударам. С одной стороны.

С другой стороны, мы анализируем новостную повестку. Мы смотрим, что объединяет новости, которые наносят наиболее яркий эмоциональный удар, какие существуют признаки информационных вбросов, обобщаем этот опыт. В дальнейшем ретранслируем его для наших подписчиков, нашей аудитории. Через тех партнеров, с которыми мы взаимодействуем, распространяем данную информацию.

На основе этого мы также разрабатываем новые рубрики. Более глубоко анализируем сложные новости. Например, есть большие исследования, на 20-30 страниц, связанные с хронологией зерновой сделки. Вокруг нее очень много мифов, очень много спекуляций. На основе исследований вы можете сформировать адекватную картину мира с учетом различных взглядов, факторов и сторон, и прийти к стабилизации своего эмоционального состояния.

Почему стабилизация эмоционального состояния для нас приоритет?

Именно благодаря тому, что формируется в голове человека когнитивное искажение, которое влияет на его острые реакции и эмоции, он принимает те или иные решения. И чем радикальнее эта эмоция, тем больше вероятность, что решение будет максимально радикальным для общества. Как в примере с барышней, о которой говорил Семен, которая устроила взрыв в Санкт-Петербурге. Чем стабильнее эмоциональная реакция, тем больше человек склонен к принятию адекватных рациональных решений, меньше погружается в тревогу, в шок, в панику, в агрессию. Он является полноценным адекватным членом общества, чья деятельность направлена на созидание, на пользу и на мобилизацию в ситуации, когда у нас существует режим Специальной военной операции.

Помимо прочего, сейчас на этапе активной разработки находится другой наш телеграм-бот. Принцип работы проиллюстрирован на этом слайде. Суть этого бота следующая. Вас беспокоит определенный новостной повод, вы понимаете, что на него существует яркая эмоциональная реакция. Вы загружаете эту новость в бот, отвечая на ряд вопросов. Вы разоблачаете потенциальный информационный вброс, таким образом, стабилизируете свою эмоциональную реакцию.

Например, вы загружаете новость о том, что какая-то знаменитость во время интервью высказала что-то нелicenseприятное в адрес мобилизованных или в адрес российского

общества. У вас, как правило, это реакция отвращения, как показывает наш бот. Вы испытываете яркую реакцию отвращения. Вы хотите ее проработать, понять ее причинно-следственные связи в разрезе привязки к этой новости. Вы запускаете ее в этот бот, отвечаете на ряд вопросов. Бот помогает выявить признаки информационного вброса, показывает, что стоит на самом деле за этой новостью, почему она не опасна для вас как для члена общества, как для человека, на что она нацелена, помогает вывести и рационализировать эту эмоцию, выйти в спокойное равновесное состояние.

В случае если информация не является вбросом или вам не удалось ее проработать путем разоблачения, далее вы проходите более глубокое изучение вообще эмоций, принцип их работы в целях формирования эмоционального интеллекта для того, чтобы вы могли правильно работать со своими эмоциями, а негативные, нездоровые реакции перенаправлять в комфортное правильное русло.

Эту презентацию вы можете увидеть на сайте, о котором говорил Семен. Помимо того, что мы работаем с ботом, у нас еще есть масса других направлений, различных рубрик, которые позволяют внутри когнитивной войны организовывать успешную самооборону.

Например, сейчас дорабатывается исследование, которое анализирует эффект пропаганды на примере Марины Овсянниковой, которая с плакатом выбегала в марте прошлого года. Это очень интересный кейс западной пропаганды, который не сработал на российском обществе. Мы анализируем причины, почему здесь когнитивная самооборона оказалась эффективной, и расследуем дальнейшую судьбу этой барышни, поскольку этот кейс Запад планирует использовать для внутренней пропаганды, как, например, оскароносный фильм Алексея Навального.

Здесь QR-коды. Пожалуйста, подписывайтесь на бота, на канал Семена Уралова. Там есть очень много полезного, о чем не могу сейчас в рамках короткого доклада вам рассказать. Есть очень интересные наработки. Мы периодически делаем срезы, как наши материалы, наш анализ, наши отчеты помогают внутри когнитивной войны. Очень много положительных отзывов, рефлексий.

Семен Уралов: И самое главное, я хочу добавить, завершая, – отзыв большинства людей, которые бьются в этой истерике. Когда они начинают работать с ботом, то через неделю простейший вроде эффект: начал разбираться с тем, что я испытываю, и стало лучше. Мы с психологами разбирались, с коллегами. Отлично. Вы создали простейшую саморефлексию, которую может любой сделать на бумажке. Ничего ж не мешает каждому провести это перед сном. Простейший инструмент. Он позволяет это сделать.

Алексей Чадаев: Да. Но ситуация, в которой мы оказались, востребует абсолютно новую профессию, которой пока не было. Это военно-политический психолог, то есть тот, который понимает в войне и в стратегии, во-вторых, понимает в политической информационной реальности. И в-третьих, обладает всеми компетенциями профессионального психолога, а может, даже и психотерапевта.

Как всегда, каждый раз прогресс во время войны вызывает к жизни новые отрасли знания и новые профессии, которых не было. Наверное, надо здесь передать слово Егору.

Мужчина: Презентация Егора Чурилова «Организационные аспекты когнитивной войны».

Алексей Чадаев: Мы не так давно встречались с Егором в Беларуси, куда я ездил на один семинар и где много говорили о том, что в нашей сегодняшней ситуации, в котором мы оказались, нет информационной войны. Много об этом говорится, но ее нет, потому что если это война, то где тогда штаб, где стратегия, где планы, где карты, где офицеры. Где тот информационный военкомат, куда я могу записаться добровольцем?

А есть своего рода информационная партизанщина, где много таких батьков-атаманов. Каждый ведет свою собственную борьбу в соответствии со своим собственным пониманием вне организации, управления, координации и т.д. И это верно в первую очередь про нашу реальность.

Здесь с Беларусью мы в одной лодке, но, конечно, у них есть то, чего нет у нас – настойчивый рефрен: а можно как-нибудь так сделать, чтобы у нас войны не было, чтобы она прошла мимо нас? Понимаете, они оказались в центре урагана, который тихий. Вокруг по всему периметру буря, а они в центре. И согласитесь, это довольно нервное состояние – сидеть в штиле, но знать, что ты в центре воронки.

Егор?

Егор Чурилов: Я сегодня хочу произнести новое слово, которое здесь еще не звучало – сетецентричность. Хорошо, что про определение когнитивной войны уже сказали. Сфокусируюсь именно на различии. Есть кибернетическое противостояние, есть информационное, есть психологическое. И когнитивное – наиболее общий термин. Как мы сейчас не говорим, что у нас тут электрическая война, потому что все, конечно, подключены к электричеству, но мы это не используем, так и есть разные уровни доставки, контента, информационный и т.д. Когнитивная – она наверху.

Сетецентричность – уже не в этом стеке. Это способ организации, организационный фокус. Сам термин возник в 1980-е годы. Его еще активно разрабатывали наши, Агарков, и, конечно же, американцы. Это про реакцию военного сообщества в первую очередь на новый ландшафт войны. Мультидоменность, огромное количество относительно автономных, распределенных единиц, которыми нужно управлять гибко, в рамках общей стратегии, концентрировать усилия в реальном времени.

Наши министерства обороны говорят, что они ведут информационную войну, какие-то создаются части, инициативы. Как это происходит, мы не очень знаем. Но что мы знаем, что народное когнитивное воинство поднялось и подхватило эту тему со всей активностью. Огромное количество людей начинают заниматься чем им нравится, на что их мотивирует ситуация. И что можно констатировать сейчас, уже по факту происходящего? Сеть операторов, которые ведут эту партизанскую когнитивную войну, существует. То есть по факту она есть, но она слабая. Есть там группа, она более или менее сплочена. Есть цели и

задачи. Но в целом это сообщество достаточно автономных, суверенных операторов. Задача, если мы говорим про увеличение боевой мощи сети, – это повышение организованности. И один из тезисов, которые я хотел бы здесь заострить, это то, что повышение организованности в рамках этой сети, иерархическими, административными методами, как это принято в государственных структурах, невозможно, либо чрезвычайно слабо эффективно. Это будут огромные потери на всех уровнях.

Эта сетка имеет свои и достоинства, и недостатки, и какие-то дефициты. Мотивация, аудитория, разрозненные неспецифические особенности, общая информационная сеть существует. Нет организованности функциональной, проектной, специальных способностей, которые нужны в рамках конкретных операций. И связанные, не связанные ресурсы. Сейчас система донатов, помощи, которая существует, – это попытка связывать финансовый ресурс в рамках концентрированных тем.

Мы также должны сформировать сеть более организованную, связанную с разнообразными ресурсами, не только финансовыми.

Цели каждый себе может определять как угодно, но существуют более-менее общие когнитивные цели. Они в натовских документах очевидны. Стратегическая коммуникация, разведка, OSINT, наиболее популярный сейчас, наиболее понятный. Я бы хотел еще заострить внимание на специальных задачах, которые могут быть, наступательного характера, в том числе. Я здесь взял три радиуса: оборона, контратака, нападение. На каждого по одному пункту. В обороне любая такая даже на низовом уровне организация сети сразу повышает резистивность общества в рамках распределенного влияния. Загонять отдельного индивида, даже психологически, гораздо сложнее, чем загонять сплоченную группу. Минимум организованности повышает обороноспособность.

Контратака. Я написал айкидо-техники. Президента РФ часто обвиняют в том, что он использует техники дзюдо в политике. Тут та же история. Когда оппонент, когда хочет нанести куда-то поражение, надо дать ему сделать это так, чтобы это вернулось ему как удар, то есть опрокинуть его его же усилием. Наша сцепленность с украинской и западной аудиторией достаточно высокая. Эти каналы, этот зацеп можно использовать.

И третье нападение – атака на клику. Когда мы работаем по воинским формированию, по населению в плане психологических атак, – это массовое поражение и атака по конечностям. Все мы хотим бить в голову. Это протоколы и узлы высшего и среднего класса. Это элитарные группы. Если мы не начинаем работать по этим направлениям, мы всегда отстаем. Как это делать? Может быть, это фантастическая задача. Тем не менее, я думаю, у нас и специалисты есть, и организация массового мозгового штурма на эту тему может привести к последствиям, которые мы не можем предсказать. Надо начинать.

Еще раз я бы хотел заострить внимание на разнице в подходах. У нас назрел переход от иерархического управления к распределенному. Это парадигмальный переход. Автономные агенты, люди, которые находятся в сети – ими невозможно управлять

приказами. Мы должны вырабатывать протоколы согласования деятельности. Кооперацию, контракты. И под это создавать децентрализованные цифровые платформы. Здесь уже сквозил скепсис, большие опасения относительно цифры, ИИ. Я человек с инженерным образованием, человек из ИТ, для меня это не является опасностью. Это то поле, в котором я работаю. Огромное количество людей в этом также ориентируются. Это надо использовать, переводить туда операции и проводить наступательные операции, в том числе.

Что бы я хотел предложить в качестве организационной инженерной гипотезы. Криптосообщество. Говорят про криптовалюту, но это гораздо более широкая область, колоссальное количество наработок, технологий, протоколов, которые уже есть и их надо использовать. И одна из них – децентрализованные автономные организации. Это как раз стихийно возникшая форма организации распределенных усилий. Концентрация на какой-то деятельности. Растить сеть, а не строить пирамиду. Это то, что уже происходит. Эти вещи надо использовать.

Единственный момент: эти децентрализованные автономные организации – светского, гражданского характера. Они должны быть военизированные в некоторой степени.

(Реплика из зала)

Психологи, да. Я взял пример сетевцентричной OSINT как наиболее популярную тему.

Человек проснулся утром и говорит: «Я хочу в этом участвовать». Что ему нужно делать, куда бежать? Ему должны быть предоставлены методологические материалы, технологические сервисы, где он просто начнет приносить пользу сразу, а не тыкаться месяцы, искать что-то, выясняя, что ему делать, с кем взаимодействовать, по каким протоколам, кому доверять, кому не доверять, что делать, когда на тебя идет атака и т.д. Эти вещи должны быть разработаны и положены в архитектуры.

Инструменты. Немножко, очень коротко. Все эти вещи, архитектура, доверие, репутационные сети. Как организовать псевдоанонимное взаимодействие людей, которые не хотят или не могут существовать в рамках иерархии? Их большое количество. Это технологические вещи, которые есть.

Единственный момент, на котором хотел заострить тут внимание. Децентрализованные финансы. Ресурсное обеспечение. Так как на государственные средства зачастую полагаться либо невозможно, либо нецелесообразно, необходимо сформировать доверенную сеть, где люди могли бы вносить свои средства, то что называется краудфандинг, то есть распределенные финансы и с той или иной степенью контролировать, куда они уходят, то есть избежать нецелесообразных трат. Это повышает степень доверия к сети, потому что ресурсное обеспечение – один из важнейших аспектов. Это все вещи, которые также заработаны. Спасибо.

Алексей Чадаев: Спасибо Егору. Я к последнему слайду хотел бы добавить.

Одна из важнейших вещей, которую нужно в голове сломать – это концепцию заказчика, потому что мы сейчас, наша патриотическая публика, в основном ходила и продолжает ходить, взирая за зубцы, что там проснутся, сформулируют заказ, направляет всех стройными рядами куда-то. Если бы мы жили в этой же парадигме, мы бы до сих пор так и ходили. И дронница в прошлом году, и медиадронница. Все это происходило. Там не было ни рубля государственных денег. Одна из организационных вещей, которые удалось сделать, это исключить власть из роли заказчика и плательщика. То есть мы все это делали и будем продолжать делать за народные деньги, построив организационную инфраструктуру их сбора, их направления на эти задачи. И главное, о чем говорил Егор, инфраструктуру доверия, когда люди четко понимают, что их деньги идут на цели победы, а не туда, куда они чаще всего идут, когда этим занимается государство.

Алексей Чадаев: Да, главная проблема сетевых организаций в том, что те, кто первые, у них больше всего времени, а последним остается меньше всего.

Сейчас будут Сергей Тиньков, Виктор Дробек. Это наш ИТ-штаб. У нас есть Евгения, она от аналитиков, экспертов, сама маркетолог. Будет вам интересно познакомиться. А есть отдельно те, которые занимаются инженерными разработками. И одно из самых перспективных наших исследований – язык ненависти Зеленского. Пока что мы исследуем Зеленского, а дальше мы хотим сделать, чтобы человек мог любой текст загрузить любого деятеля, и анализатор выдал бы ему, где есть подозрительные вещи, на что обратить внимание.

Виктор. И потом Сергей Тиньков – наш инженер-разработчик о наших идеях, которым нужно помогать, и куда включаться.

Виктор Дробек: Здравствуйте! Отгадайте, кто эти люди на слайде. Человек за трибуной с американским орлом – это президент Владимир Зеленский. А человек в пиджаке – это персонаж сериала «Слуга народа». Это имеет важное значение для нашей гипотезы с точки зрения, в том числе, рассмотрения языка ненависти Зеленского. Это исследование делается от лица Добровольного общества когнитивной гражданской безопасности, которое ставит целью более научную проработку.

Начнем с определения. Почему я люблю определения? В некотором смысле я ученый и проработал 16 лет на производстве оборонной технике. Итак, язык вражды мы понимаем как важнейшую форму межгрупповых конфликтов, основанную на стереотипах. И гипотеза проведенного исследования языка ненависти основывается на том, что смысловые контексты, негативные тональности, где что-то сказали плохо, оказывают высокую эмоциональную нагрузку на читателя текста или информационного сообщения.

Само исследование проходило таким образом. Почему Зеленский? Потому что авторский коллектив, который через Зеленского доносит свои послылы, генерит в среднем по 3-4 текста и обращения в день. За год войны это 766 текстов, до которых дотянулась группа расшифровки.

Есть группа специалистов, все сплошь лингвисты и педагоги. Они расшифровывают с языка оригинала, английский, украинский, и в начале прошлого года – русский, тексты и складывают их в базу данных. Эти тексты были обработаны машинным способом при помощи лингвистического анализатора, который определил отрицательные и положительные тональности в этих текстах. И дальше хочется проверить гипотезу, насколько машинный метод позволяет определить степень эмоционального воздействия того или иного текста на читателя. Как это можно проверить? Конечно, на живых людях.

Чтобы проверить что-то на живых людях, нужно включить метод экспертного анализа Дельфи. Он состоит из того, что представляются обезличенные анкеты экспертам, они проставляют галочки. И результат отцифрован.

Таким образом мы используем эксперта как своего рода исследовательский инструмент, у которого есть метрологическая погрешность, инструментальная погрешность и прочие погрешности можем выразить. И такую систему исследования сложно обмануть и внести шум от конкретного эксперта.

Под экспертами в этом исследовании понимались люди определенного склада мышления. И это заявлялось в методичке по исследованию.

Я продолжу описание схемы исследования. После проведения двух туров методов Дельфи были сформированы анкеты, обработаны статистически. И была доказана гипотеза на 95%, что тексты, выявленные автоматическим образом, и несущие негативные тональности, скорее всего, с 95%-ной вероятностью воздействуют сильно на эмоции читателей.

Что еще интересного получилось выявить из исследования? Во-первых, из 500 изначально заявившихся экспертов до конца исследования (это очень продолжительное исследование, до 2 месяцев) осталось 16 человек. Там очень тяжелая работа. Нужно прочитать порядка 40 текстов. И они все отрицательные. Там автор изгаляется как может. Еще увидите цитаты. Это из Европы, из стран СНГ, из отечественных городов люди. И, как вы видите, разных возрастов.

Здесь больше для информации фразы, которые выявили наибольшие эмоциональные реакции. Эти фразы были выявлены автоматически. И они зацепили контексты вокруг этих ключевых слов. Они зацепили эмоции всех 16 экспертов.

Давайте рассмотрим цитаты. Автоматизированный метод обработки позволяет не вычитывать все 766 текстов, а обратить внимание на всплески тем. Цитата, которую вы здесь видите, посвящена созданию мифологемы, что Россия – террористическое государство. Причем это делалось авторским коллективом Зеленского, для того чтобы к 17 марта 2023 года подвести к ордеру МУС. Эта тема, что Россия – террористическое государство, раскачивалась со 2 марта 2022 года. Чтобы общество, тем более, европейское, привыкло к той мысли, что можно на главу государства, которое не подписывало Римский статут, выписать ордер.

Еще ряд цитат. Так как мало времени, я вас отошлю к собранию этих цитат. Творческий коллектив проекта «Язык ненависти Зеленского» ведет Telegram-канал. Он очень эмоционально некомфортный для читателя. Но там каждый день публикуются за прошлогоднюю дату на текущий день тексты, какие Зеленский писал, статистика по этим текстам и особо яркие цитаты с разбором мифологем.

Но интересен еще побочный эффект, который не закладывался в исследование – это как работа в исследовании повлияла на самих экспертов. Эксперты на себе ощутили, что стали более спокойно воспринимать в результате работы тексты. Они стали больше рассуждать над тем, что они читают.

И смогли даже своим знакомым и коллегам на примере выдержек из текста Зеленского, потому что многие еще полагают его приличным человеком, доказать свою точку зрения.

Общие выводы из этого исследования, что эмоционально окрашенный текст не несет информационной нагрузки и должен только воздействовать на мышление читателя.

Выявленные в документах-обращениях Зеленского контексты показывают основную ретиорику текстов: обезчеловечивание российских граждан, Россия – мировое зло, воюют с детьми. Все эти тексты посвящены формированию мировоззрения, причем не только мировоззрения среди самих украинцев, но, прежде всего, в европейском обществе и в российском обществе.

Теперь к частным эффектам. Вся эта накопленная база доступна вам для чтения в Telegram-канале «Язык ненависти Зеленского». Там вы сможете увидеть статистику и какие-то агрегаты. Например, радар эмоций. Это наш авторский ИТ-продукт, который мы со временем предоставим публике. И вы сможете там проверять свои собственные тексты.

В рамках работы над этими текстами был разработан искусственный интеллект на базе модели GPT-3, который обучен – здесь в слайде 588 текстов, но в последнюю неделю на всей выборке (766 текстов) было проведено обучение.

И мы запустили такую игру, что публикуем в этом же Telegram-канале, что бы сказал Зеленский на новость сегодняшнюю. И искусственный интеллект очень качественно имитирует Зеленского. И даже большинство текстов заканчивает фразой «Слава Украине», регулярно благодарит Байдена лично и США в целом. Так что если вы хотели что-то спросить у Зеленского как персонажа, слуги народа, то тоже сможете со временем это сделать.

(Реплика из зала)

Здесь можно посмотреть, до чего дошел прогресс и как работает подобный ИИ.

Голос из зала: Пока еще видны смысловые ошибки.

Виктор Дробек: Да, но технология развивается.

Алексей Чадаев: Чуть-чуть доработать.

Голос из зала: Буквально несколько штрихов – и не отличишь от оригинала.

Виктор Дробек: У нас есть коллега. Она пока ведет свою собственную авторскую проработку текста. Он отмечает в своих методах, что и в оригинальных текстах Зеленского тоже есть признаки генерации машинными методами, и не все так просто.

Это ссылка на список литературы. Здесь в виде рефератов к отчетам и отчетов по исследованиям все подробно описано для специалистов, потому что мы максимально раскрываем все свои находки и приглашаем к сотрудничеству. Более того, обсуждение инструментов и технических, и психологических нужно проводить в виде специализированных конференций. Мы пока докладываем в общем виде, но есть очень много дискуссионных вопросов.

Сергей Тиньков: Тема рассказа у меня достаточно простая. Я расскажу немножко про сам инструментарий. Как коллеги правильно сказали, все инструменты, которые сегодня используются, это инструменты, которые пришли к нам из маркетинга, потому что пик развития попал на конец 1990-х – начало 2000-х, всплеск и т.д. И сейчас это все выразилось в инструментах.

Почему Telegram-бот. Мессенджеры – это самый дешевый вход в информационное пространство. И самый дешевый инструмент формирования сети. И их потеря после выполнения миссии не стоит ничего, в отличие от других историй. Почему пространство выбрано как мессенджеры? Конкретно Telegram – как самый продвинутый мессенджер сегодня в мире. Я не буду рассказывать про первую версию бота, про нее рассказывали. Вторая версия – тоже все понятно. Чем будет отличаться вторая версия с дополнениями – тем, что бот может быть подписчиком. Зачем бот может быть подписчиком? Он может быть подписчиком в каналах, например, Семена Уралова, чтобы снимать информацию в том месте, где эта информация присутствует.

Аналогично им смогут пользоваться боты не в рамках канала.

Что это дает? При взаимодействии с каналами, которые захотят сотрудничать, они могут использовать следующие функции. Например, декларировать авторство канала? Отправлять свой пост на проверку, чтобы, после того как этот пост опубликован, бот поставил, что информация правдива. Могут быть возможности премодерации и постмодерации, что даст читателям понимание, что канал не боится проверки данных.

Аналогичная возможность будет у пользователей, которые читают каналы, которые не участвуют в проекте проверки. И они могут отправлять материалы как на проверку, так и жалобы для рассмотрения и формирования базы, уже поиска волны или сообщений.

Процесс формирования принятия решения может развиваться в двух историях и развивается – это искусственный интеллект по распознаванию и сеть экспертов, которая будет формироваться по принципу, как происходит ранжирование ресторанов или гостиниц, тоже бытовые истории, когда формируется группа. Рейтинги и оценки в рамках

группы оцениваются с точки зрения каждого участника этой группы. И соответственно, его компетенция постепенно подтверждается.

Это нам даст сформировать и убрать серую зоны в интернете, конкретно в Telegram, чтобы люди понимали, что они читают, и выбрасывать мусор сразу в корзину.

Алексей Чадаев: Я надеялся, что у нас будет время на диалог с залом, на вопросы, но, пока рассказывали, перебрали временные лимиты. Спасибо огромное всем, кто был. Вы имеете возможность пообщаться с коллегами в кулуарах. Надеюсь, что было интересно.